

Здесь жить нужно

Иосиф Кобзон:

— Иосиф Давидович, для начала простенький вопрос: как вы относитесь к тому, что сегодня многие представители нашей творческой интеллигенции живут и работают за границей?

— В «Останкино» на волне всеобщей истерии прозывается неизвестный телезритель и заявляет на всю страну: «Здесь жить нельзя!».

Ну допустим на минуту, что в нашей стране действительно «жить нельзя!». Так что же — все соберемся и уедем?! А кто останется и во имя чего?! Да и кому мы так уж сильно нужны там, за горизонтом?! Снять фильм «Так жить нельзя!» — дело не самое сложное. А как жить «можно»?!

Художник в России всегда был человеком, от которого ждали ответов, а не одних лишь вопросов.

Среди многих, кто пытается найти ответы (и кого не противно слушать!), офтальмолог Святослав Федоров. Может быть, в его взглядах на жизнь и не все бесспорно, но он человек дела и чести. И если даже он сделает из России одну большую больницу для незрячих — это неплохо. У него хорошая больница, а директоров прогоревших заводов нам в лидеры не надо. Если человек не смог поднять один завод — страну он и давно добьет!

— Вы счастливый человек — у вас все получается. И даже голос с годами не становится слабее. А многие ваши бывшие коллеги воспринимают сегодняшнюю жизнь как конец света, конец культуры. И категорически не согласны с тем, что «жить стало веселее, жить стало интереснее!».

— Да, обнаружилось, что многие известные в недавнем прошлом «творцы» не вписались в поворот, разом стали ничими, никому не нужными. Поэты, композиторы, режиссеры...

Обнаружилось, что многие из них по сути никогда не были профессионалами. А бывшие «творческие» союзы в сущности были неплохими кормушками для любителей. Но если они обнаружили свою несостоятельность (в первую очередь творческую!), означает ли это, что «культура умерла»?!

— Один известный пианист, уехавший на Запад еще при Горбачеве, в интервью заметил, что, мол, «у нас неконвертируемые специалисты».

— Ну он был слишком добр в оценках!

Истинный профессионал всегда впишется в любой, даже самый крутой вираж. А «при Советах» тысячи людей «зряплатой» были приучены не отвечать за себя и свое дело, избегали необходимости каждый день доказывать свое право называться творческой личностью. Ну что, их убить за это?! Ведь у людей семьи, дети, престарелые родители... И они мечутся в попытках удержаться на плаву. И порой соглашаются Бог знает на что, совершают ужасные поступки... И вся страна шарахается точно так же из стороны в сторону.

Сегодня, на мой взгляд, самый грязный период нашей истории, открывший в человеке удивительную способность приспособиться ко всевозможной грязи — как биологической, так и моральной.

Не скажу, что я такой уж брюзга и мне так уж нравится наше недавнее прошлое. Но и в Афганистане, и в Чернобыле (а и туда, и туда я ездил часто, одним из первых и без всякого приказа свыше!) помимо мерзости и мародерства были и потрясающее братство людей, парение человеческого духа.

А сегодня наблюдаю, как бывшие афганские комбриги и комдивы лихо предают друг друга, не очень хорошо понимая сами, во имя чего. И мне тошно!

...В жизни стало слишком много вопросов. И даже тени ответов незаметно.

— Может быть, просто бояться отвечать?

— На телепередаче памяти Листьева я спросил Владимира Мукосева, одного из первых взглядовцев: «Почему вас с Листьевым, бунтарей «перестройки», так дико разбросало?». Он промолчал. Но одни соглашались приспособиться к непотопляемому лидеру, по-прежнему все диктующим нам и лишь сменившим фразеологию, а другие не смогли. И тех, кто не смог, выбрасывали поодиночке.

— Со стороны посмотреть — вы абсолютный счастливчик! Популярность у слушателей все выше. В бизнесе — удачи. Власти с вами дружат... Время от времени даже раздаются публичные признания: «Какой же праздник без Кобзона?!». А едва на вас начался «наезд» в печати и коридорах власти — мало кто возмущился происходящим.

— С возрастом я все осторожней употребляю слово «друг».

Мне кажется, очень хорошо высказался на эту тему мэр столицы: «Сегодня от него требуют «сдать Кобзона», а завтра могут потребовать следующего предательства». И хотя бы потому, что один шаг делает неизбежным следующий.

Лужков, с которым я стал дружен в последние несколько лет, мне кажется человеком очень чутким, интеллигентным и искренним. И мое превращение в «советника по культуре мэра Москвы» (на общественных началах!) произошло абсолютно естественно. Однажды он мне сказал: «Все равно ты ко мне ходишь каждую неделю с ходатайствами за кого-либо. Может быть, дадим тебе какой-то официальный статус? Хотя бы ради того, чтобы было за спиной поменьше сплетен...».

«Только, пожалуйста, не надо обнародовать это! Я всегда

Взгл Москва - 1995 - 13 апр - с. 4

«...Почему меня не называют освободителем Муссолини?»

«Художник в России всегда был человеком, от которого ждали ответов, а не одних лишь вопросов.»

избегал таких «уз любви с властью»... Но на открытии нового здания Третьяковской галереи мэр неожиданно схватил меня из зала: «А вы, Иосиф Давидович, как советник мэра по культуре — пожалуйста в президиум!».

И на меня обрушился просто ураган просьб, которыми я прежде занимался лишь время от времени... Потребовалось помочь Театру зверей имени Дурова, симфоническому оркестру Павла Когана, Детскому музыкальному театру, новогодним праздникам церкви... Заниматься устройством Недели высокой моды в Москве, гастролями Лайзы Минелли... Я не считаю все это каким-то жизненным подвигом. Делаю это с удовольствием, какое всегда приносит хорошо сделанная работа. Все это было бы, наверное, сделано и без меня... Но я немного лучше других знаю, кому действительно стоит помогать, а кому нет — и как лучшим образом использовать те средства, которые мэр Москвы просто героически вытряхивает из не всегда разумных бизнесменов. Не все еще из них понимают, что пренебрежение культурой приводит к тому, что отчаявшийся обыватель схватится за пистолет и начнет пулей «восстанавливать социальную справедливость». Вроде бы неглупые люди, но не понимают, что, бравируя свалившимся на них богатством, не щадя самолюбия

человека, «не вписавшегося в поворот», не будучи способны сегодня поступить частью своего состояния, — они завтра окажутся перед необходимостью распрощаться с ним. И уж тогда любая «мафия», сочиненная горячечным воображением генералов милиции и одиноких дам преклонного возраста с явно большой психикой — покажется детским садом.

Мне хотелось напомнить тем, кто бравирует своей нелюбовью к Лужкову, что педагоги и врачи в муниципальных структурах Москвы имеют зарплату в полтора раза выше, чем их коллеги из учреждений, подчиненных федеральным властям. И это не «вызов Кремлю», а нормальная забота делового мэра о людях. Понятно, что и на полторы зарплат сегодня прожить очень трудно. Но я все же надеюсь на наличие у людей остатков здравого смысла и простой признательности.

Я сам регулярно оказываюсь ходатаем за кого-либо. Потому что в сегодняшнем «дурдоме» сохранил здоровую психику. И хочу вернуть хоть часть долга тем, кто когда-то помог молодому парню с Украины прописаться в Москве и получить кооперативную квартиру. Я не порвал отношений с Руджим и Квантришвили даже после того, как они стали «активно не нравиться» очень большим людям. Не пел и не пою пропрезидентских песен... И ничто не заставит меня покинуть эту страну.

Господа газетчики нам то и дело сулят неслыханные потрясения, невиданные мятежи. Но позвольте заметить, несмотря на всю жуткую статистику относительно преступлений, самоубийств и бездомных детей, москвичи в среднем не выглядят голодными и плохо одетыми. А что до страшных сказок, рассказываемых порой за нашими спинами про нас, — рассказы только прибавляют популярности в народе. Такова особенность человеческой психологии, и не только в России.

Про меня болтают, будто бы я приложил руку к освобождению из тюрьмы «Япончика». Удивительно, почему мне сразу не приписали освобождения Муссолини!.. А когда в одном районном суде Москвы пришедших со мной известнейших деятелей культуры платное милицееское перо начало обзывать «хоровым кружком», я очень удивился тому, что закаленный жизнью судья не вызвал тут же машину скорой психиатрической помощи со смиренными рубашками. Все-таки героической выдержки люди трудятся в райсудах!.. На моего адвоката моя «поклонница», всячески поливающая меня во многих газетах, заорала: «Встаньте, вы же с дамой разговариваете!». А в ней давно никаких признаков женственности нет. Даже небезызвестный танцовщик Боря Моисеев — и тот куда более женствен... На днях за кулисами концертного зала намакияженный и напомаженный, в каком-то секс-белье, он уронил с руки браслет. И я поднял браслет с пола, протянул ему. Боря засмутился, а я успокоил: «Ну что в моем поступке необычайного? Ты ведь женщина!».

У нас всегда хватало и озобоченных дам, гасящих неутоленность своей плоти почему-то именно газетными статьями, и вроде бы мужских существ, заблудившихся в собственной генетике. Они отчаянно лезут на глаза публике и стараются доказать, что они-то и есть «символы времени». Но для меня всегда существовали только люди, умеющие работать и быть добрыми. С детских лет запомнил мечту великого писателя про «Интернационал добрых людей». И до сих пор не потерял веру в то, что такой Интернационал появится.

Жаль, что одного из возможных «членов Исполкома» этого Интернационала так подло убили. У меня сохранилась салфетка, на которой Влад Листьев написал мне во время последнего заседания Общественного совета ГУВД: «Уважаемый председатель, разрешите устно по очень важному вопросу».

Убыл!..

Беседу вел Михаил КАЗАКОВ